

A romantic scene set in a library. A man with long, wavy brown hair and a light beard, wearing a dark, open-collared shirt, stands behind a woman. The woman has long, flowing red hair and is wearing a dark top and a plaid skirt. She is looking over her shoulder at the camera, while the man looks directly at it. The background is filled with bookshelves and a large window with a grid pattern, through which a bright blue light is streaming. The overall mood is intimate and dramatic.

Камилла
Рэй

Диплом

по приручению

18+

Камилла Рэй

Диплом по приручению

«Автор»

2026

Рэй К.

Диплом по приучению / К. Рэй — «Автор», 2026

Он — ректор и оборотень. Она — наказанная практикантка. Вызволяя её, в участке он понимает, что она его истинная. Теперь она будет жить в его доме, выполнять приказы и учиться слушаться. Даже если для этого придётся держать её в наручниках. Её свобода — цена за его молчание и её новый статус.#+ 18 содержит сцены эротического характера#В конце все будут счастливы.# Авторский мир Окто

© Рэй К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Камилла Рэй

Диплом по приручению

Глава 1

— Зачем ты подкидываешь мне эти проблемы? — в голосе звучало холодное раздражение. — Ты прекрасно знаешь, я терпеть не могу помощников. Особенно помощниц.

Мой друг Евгений, преподающий в академии Октябрьска, вздохнул в трубку. Я же был ректором Академии уголовного права во Владиславске — местом строгим, почти аскетичным, где порядок и дисциплина ценились выше всего.

— Фил, пойми, — голос его был полон усталого отчаяния. — Она невероятно одарена. Пятый курс, лучшая в своём потоке. Но характер... невыносимый. Мне нужно, чтобы её кто-то приручил. Она из обычных, Фил, не из наших. Мы с ней справиться не можем. Пусть в твоей строгой академии хоть немного ума наберётся. Обломай ей хребет, пожалуйста. Грози, что не зачтёшь практику. Здесь у неё связи слишком сильные, через друзей, семью...

Я зажмурился, предчувствуя головную боль.

— Ладно, — процедил сквозь зубы. — Как скажешь. Когда она должна прибыть?

— Вообще-то... она уже должна была быть на месте.

Я перестал перебирать документы на столе. Странно. Затем вспомнил — с городского номера мне названивали несколько раз подряд. И вот снова звонок, на второй линии.

— Женя, отключаюсь, — бросил я. — Мне названивают с городского, похоже, из каких-то служб.

— Хорошо. Удачи. И держи в курсе, как будет вести себя наша дикарка.

Не ответив, я переключил линию.

— Слушаю.

— Филипп Александрович, это дежурный отделения на Северной. Беспokoим, извините. Тут у нас... ваша помощница. По крайней мере, так представляется. Мы-то знаем, что помощников у вас нет, вы никогда не брали, но... решили уточнить на всякий случай.

Внутри всё похолодело. «Уже начала».

— Так она у меня действительно есть. Что она натворила?

— Вам лучше подъехать, дело... серьёзное.

— Буду через пол часа, — отрезал я, поднимаясь.

Чёрт меня дернул согласиться! Какая-то строптивая дура, доставшаяся по дружбе. Ладно, завалю её работой по уши. Запру в архивном подвале в центре города, пусть неделями роется в вековой пыли и манускриптах...

— Филипп... — томный, мёдом пропитанный голос разнёсся от двери.

Барбара. Застыла в проёме во всей своей... доступности. Наброшенное на голое тело пальто лишь подчеркивало то, что было под ним. Моя периодическая отдушина. Жаль, сейчас не время.

Я, не глядя на неё, направился к шкафу, достал своё серое пальто — стильное, безупречного кроя, находка из прошлой заграничной командировки.

— Ты зря потратила время, — сказал я, повязывая шарф. — Дела не ждут.

— Но, возможно, все же...? — Её руки с безупречным маникюром скользнули по моей спине сзади, обвили мою грудную клетку. — Мы так давно не оставались наедине...

Не добившись реакции, она отступила на шаг, и в голосе зазвучала обида.

— Что может быть важнее чем я?

— Моя новая помощница. Сидит в отделении на Северной. Еду разбираться.

— Помощница? — Барбара фыркнула. — Ты даже на своего секретаря рычишь! Откуда помощница?

— Из другого города. Одарённая. Екатерина Перевязцева.

Фамилия прозвучала как вызов. Барбара насупилась — она не жаловала чужих волчиц, особенно из других стай.

— Может, всё-таки... — Она присела передо мной на корточки, и в её улыбке было обещание, что я забуду обо всех проблемах, если только соглашусь на ее предложение.

Но странное, давящее предчувствие уже сжимало мне грудь. Я просто обошёл её, не удостоив объяснений. В воздухе висело что-то неосязаемое, но жутко знакомое. Зов. Не крик, а тихое, отчаянное биение чужого сердца, вызывающее о помощи на уровне инстинкта.

И вышел из здания и направился к рядом припаркованной своей машине. Грудь давило, как перед грозой. Я дотронулся до солнечного сплетения. «Что со мной?» Это было сильнее, чем просто дурное предзнаменование.

Я глянул вверх, на низкое сентябрьское небо, затянутое свинцовыми тучами. Моросил холодный дождь, кружились первые жёлтые листья. Обычно я обожал эту пору. Сейчас же чувствовал лишь одно — острое, неотступное желание быть там, где она. Где бы она ни была.

Когда я переступил порог отделения, всё встало на свои места. И всё из-за запаха.

Смородина. Дикая, терпкая, и что-то невероятно свежее — как первый вздох после грозы. Аромат, который одновременно пьянил и бодрил, вливаясь в кровь адреналином. Мои зрачки расширились сами собой, сканируя полумрак коридора в поисках нее. Я учуял её.

Что я сказал дежурному? Ничего. Он бегло глянул на документы — чистая формальность. Камеры и так меня знали: Филипп Волков, ректор Академии, чей авторитет и связи давно стали притчей в в полицейских кругах Владиславска и не только. А теперь у меня появилась личная, живая головоломка. Где моя истинная?

Я уже забыл, что она у меня может быть. В 45 лет я думал об одном: остепениться, править своей академией и стаей. Вот только теперь эти планы канули в лету в тот миг, когда этот запах ударил мне в ноздри. От одного только аромата стало тесно в штанах. Интересно, она здесь работает? Или уже сидит в наручниках? Я прикрыл глаза, пытаюсь подавить шальные, первобытные мысли.

— Филипп Александрович, пройдите. Ваша... скажем так, подопечная, вас ждёт, — голос дежурного выдернул меня из дремучих грёз.

— Что она натворила, раз вы её сюда привезли?

— Хм, она знатно оттаскала за волосы одну из крылатых. Дочку нашего местного бизнесмена, Вазинскую.

Ух ты. Вот это волчица мне досталась! Оттаскать за волосы ту крылатую дуру, которая под два метра ростом? Я Вазинскую знал. Она тоже ко мне клеилась. Не мой тип — я крылатых не жалую, да и смотреть ей в глаза, не поднимая головы, было утомительно. Сильная женщина.

Чем ближе мы подходили к двери в конце коридора, тем отчётливее был запах. Мой. Только мой. Не может быть...

Перед дверью меня слегка потряхивало. Со стороны это было не заметно, но я чувствовал дрожь в кончиках пальцев, натяжение в каждом мускуле.

— И почему она не в камере, а в технической кладовке?

— Филипп Александрович, если честно... не хотели вас подставлять. Мы её не регистрировали. Как бы... для вас.

Я кивнул, одобрительно хлопнув дежурного по плечу.

— Буду должен. Ну что, посмотрим на нашу дебоширку.

Перед тем как открыть дверь, я сглотнул. Святые волки. Там она. Неужели там моя истинная ?

Держи себя в руках. Не кидайся. Не набрасывайся. Нет.

Дверь открылась.

В центре захламлённой технической комнаты, на вращающемся кресле, сидела и покачивалась девушка. Лет 23. Рыженькая. Не просто рыжая, а огненная — медные, почти алые волосы, натуральные, я это чувствовал кожей. Синие, как осеннее небо, глаза, светлая кожа, вздёрнутый носик и пухлые, розовые губы, которые так и просились, чтобы их прикусили. Фигурка точёная, гибкая. Одежда — чёрная рубашка, клетчатая юбка, чёрные колготки, ботильоны на маленьком каблучке. Смотрела злобно, как загнанный, но не сломленный зверёк. И самое главное — её руки были заведены за спинку кресла и скованы наручниками.

Мысли накрыли волной. Взять за эти наручники. Пригнать к столу. Задрать юбку. Разорвать эти колготки. Показать, кто здесь главный. Кто её истинный. Чёрная рубашка полетит в

ключья. И метка... моя метка будет поставлена сразу. Я ещё не слышал её голоса, но уже знал, как он будет звучать в столах.

Но тут до меня дошло кое-что ещё. Цвет волос.

— Вы не оставите нас... буквально на три минутки? — мой голос звучал хрипло от сдерживаемого возбуждения.

Дежурный лишь махнул головой и удалился. Я шагнул внутрь и закрыл дверь, щёлкнув замком.

Она почувствовала перемену. В воздухе запахло опасностью, силой, претензией. Но понять не могла почему.

Заговорила первой, пытаясь взять под контроль то, что контролю уже не подлежало:

— Я вас узнала. Вы Филипп Александрович. Я не виновата в той ситуации, я всё могу объяснить. Я, если честно, совсем не рвалась на эту практику, могла пройти её у себя дома.

— Значит, Екатерина Перевязцева? — произнёс я, делая ударение на фамилии. В голове уже складывалась картина. Я скрестил руки на груди, откинулся на дверь, занимая собой весь проход. Показывай, кто здесь главный.

Она вопросительно склонила голову. Ну и?

— У тебя другая фамилия, — медленно проговорил я, и ехидная улыбка тронула мои губы. — Ты забыла, с кем разговариваешь?

По её глазам, по мгновенному испугу, я понял — она осознала. Осознала всё. У неё очень большие проблемы. И у её отца — тоже. Того самого, что так тщательно скрывал свою связь с ней... и, видимо, её истинную природу.

Я видел, как эмоции сменялись на её лице: дерзость, расчёт, отчаяние. И, наконец... крепость пала.

Она опустила взгляд.

— Сколько стоит ваше молчание? — спросила она покорно, почти шёпотом.

— Я обеспечен. Деньги меня не интересуют...

— Я вас очень прошу... Никто не должен ничего узнать, — её голос стал ещё тише, дрогнул. — Пожалуйста.

В этот момент у меня странно кольнуло сердце. Не планировал я свою истинную обижать. Но я был поражён — на неё истинность действовало не так, как на меня. Странно.

— Всё очень просто, — сказал я, и мои слова повисли в воздухе обещанием и приговором одновременно. — Ты останешься моей помощницей. Будешь выполнять все указания. Я увидел, как её лицо в недоверии поднялось, как она уставилась на меня, не веря своим ушам. — Только теперь есть определённые... новые условия.

— Какие условия? — выдохнула она.

— Ты будешь выполнять всё, что я скажу. И функции помощницы ты будешь исполнять... у меня дома.

Мне понравилась её реакция — шок, ошарашенность, паника. И я добавил, наслаждаясь моментом:

— И да. Наручники снимать не будем. Останешься в них, пока я не решу иначе.

Глава 2

Больной ублюдок. Недостаточно было шантажировать — он привез меня в наручниках прямо к себе домой. Как этот пес вообще всё провернул? Я знала о его связях, но не до такой же степени... Единственная капля чего-то, отдаленно напоминающего порядочность — когда он своим широким телом прикрыл мои скованные руки от посторонних глаз по дороге от участка к машине.

Но этого было мало. Он привёл меня не в гостевую, а прямо в свою спальню. Филипп снял с себя рубашку, и я мысленно попрощалась с невинностью. Но вместо этого он расстегнул наручники и бросил рубашку мне в лицо.

— Пять минут. Чтобы ты разделась полностью, включая нижнее бельё, и надела это. Не успеешь — пеняй на себя.

В его тоне не было места спору. Надежда на его благоразумие таяла с каждой секундой. Месяц. Мне нужно продержаться всего месяц. Но я уже понимала — невинной отсюда не уйду. Я не могу раскрыть свой секрет, а этот бездушный волк нашёл себе идеальную игрушку на этот срок. Теперь ясно, почему у него никогда не было помощниц — все от него бегут.

Переодевалась я быстро. Снимать нижнее бельё было унизительно и страшно, но приказ есть приказ. Тайна должна остаться тайной. В комнате было прохладно, и я поёжилась, но, облачившись в его чёрную рубашку, почувствовала странное облегчение. Его запах — не такой, как у других оборотней. Он не подавлял, а обволакивал: дорогой парфюм, стальные нервы, твёрдая воля. Запах того, кто всегда получает то, что хочет, и кого не остановят слёзы.

Рубашка висела на мне почти как платье. Я закатала рукава и торопливо застегнула пуговицы. Качественный хлопок ласково касался кожи, и от этого прикосновения соски предательски затвердели. Я попыталась прикрыть их руками.

Он вошёл ровно через пять минут. Его ноздри задрожали, зрачки расширились, превратившись в чёрные бездны. Ему нравилось то, что он видел. Он сделал глубокий, шумный вдох, будто запасаясь воздухом, потом резко встряхнул головой, словно отгоняя наваждение.

Подожёл стремительно, взял мои руки, завёл за спину. Холод металла вновь сомкнулся на запястьях.

— Это обязательно? — вырвалось у меня, и в голосе прозвучала мольба.

Он замер. Медленно повернул ко мне лицо, смотря свысока. Его взгляд скользнул по моим губам, лицу, шее, будто ощупывая. Потом он костяшками пальцев провёл по моей скуле, так медленно, что по коже побежали мурашки. Он закусил свою нижнюю губу — я видела, как дрожат его челюстные мышцы. Он сдерживался. Изо всех сил.

— Мне дано задание тебя приручить, — прозвучало низко, почти как рык. — Пока я этого не сделаю, ты отсюда не уедешь. Пока я не увижу прогресс, наручники снимать не буду. Это не наказание, Катя. Это первое правило.

И вот я сижу на полу в его кабинете, посередине комнаты, на коленях. Как собака. Он напротив, за массивным столом, голый по пояс и, кажется, совсем не собирается что-либо надевать. Работает. Изучает документы, стучит по клавишам ноутбука. Кто-то звонит, и он спокойно объявляет, что ближайший месяц будет работать преимущественно из дома.

Его решение повисает в воздухе, и я не могу скрыть шок. Он ловит мою реакцию, разговаривая по телефону, и в уголке его губ появляется та самая ухмылка. Да, он откровенно издевается.

Нужно вернуть хоть тень контроля. Хотя бы словом.

— Почему вы отказались от управления своим кланом? — спрашиваю я, и мой голос звучит громче, чем хотелось бы. — От власти. Вы же альфа.

Взгляд, который он бросает на меня, мог бы испепелить. Я поняла, что залезла слишком глубоко. Но черт возьми, теперь он знает — я не просто глупая девчонка. Я что-то знаю.

Решаю идти дальше.

— Мне будут звонить друзья, родители... — при слове «родители» он усмехается, и меня это задевает. — Мне нужен телефон, чтобы отвечать.

— Твои якобы друзья и якобы родители не решат вопрос с твоей практикой, — отрезает он холодно. — Не переживай. Я сам напишу им, что ты будешь предельно занята. — Он откидывается в кресле, и его взгляд становится тягучим, как патока. — Так уж вышло, Катя, что моя репутация безупречна. Никто и не подумает, что ты сидишь здесь, в наручниках, у меня дома. Никто.

Он медленно поднимается из-за стола и начинает двигаться ко мне. Каждый его шаг отдается в тишине комнаты тяжелым, мерным стуком. Его торс, освещенный мягким светом настольной лампы, кажется отлитым из бронзы. Каждый мускул, каждый шрам говорит о силе и контроле. Он — воплощение дикой, обузданной мощи. Настоящий волк. От этого зрелища меня начинает трясти изнутри, смесь страха и невероятного, запретного возбуждения.

Он останавливается прямо передо мной, заслоня собой свет.

— Сколько у тебя было мужчин до меня? — Его вопрос падает, как камень, в полную тишину.

— В смысле... до вас? — Мой голос срывается на хрип. Паника бьет в виски, но сквозь нее пробивается острый, пьянящий интерес. Он невероятно красив. И опасен.

Он игнорирует мой растерянный ответ, так же, как я проигнорировала его. Вместо этого он просто смотрит, его взгляд будто сканирует меня, считывая правду с моего лица, с дрожи в плечах, с того, как я отворачиваюсь.

— Ты девственница, — произносит он не как вопрос, а как констатацию. Окончательный вердикт.

Я ничего не отвечаю. Молчание — мое единственное оружие. Но в кабинете, где пахнет его кожей, дорогим деревом и властью, это молчание звучит как самое громкое признание.

Одним стремительным рывком он подхватывает меня с пола. Я даже не успеваю вдохнуть — настолько это быстро. Воздух свистит в ушах, мир кувыркается, и вот я уже прижата к его горячей, обнажённой груди. Мои скованные руки беспомощно болтаются за спиной. Я издаю сдавленный звук, не то вскрик, не то стон, но он лишь сильнее прижимает меня, не давая упасть — ведь держаться мне нечем. Для него это игра. Унизительная и властная.

Я начинаю часто дышать, чувствуя, как щёки пылают огнём. Я слишком близко. Слишком...

Он дышит прямо мне в лицо. Его глаза — два уголька дикой, необузданной страсти. Он сажает меня на край стола, продолжая всем телом прижимать меня к себе. Безумный стыд накрывает с головой — подъём рубашки открывает всё, ведь под ней ничего нет. Я абсолютно беззащитна.

Его губы почти касаются моих, и слова вырываются прямо в них, жаркие и злые:
— Почему ты ничего не чувствуешь? Почему не чувствуешь связи, которую чувствую я?!
В нашей природе так не бывает!

Он не спрашивает — он требует, свирепо сверля меня взглядом. А я не понимаю! О какой связи он говорит? Каких чувств он ждёт?

И тогда он касается меня там. От неожиданности и резкого, неприлично сладкого удара удовольствия я замираю, задерживаю дыхание, и всё моё тело натягивается, как струна. Он трогает меня, и я... теку. Предательски, позорно теку.

А он продолжает смотреть мне в глаза, не отрываясь. Его бровь презрительно изгибается, на губах расцветает та же знакомая, торжествующая ухмылка.

— Душой ты мне неподвластна, а вот тело... тело откликается. Ты вся мокрая. Течёшь, моя самочка. Течёшь для меня.

— Я не ваша самочка, — выдыхаю я шёпотом прямо в его губы, в его дыхание, в его злость. Это последнее, что я могу противопоставить. Всего лишь слова. Но они звучат как клятва, как граница, которую я отчаянно пытаюсь провести в этом мире, где все границы уже стёрты.

И тут я резко осознаю одно: я не говорю ему «нет». Всё это время я ни разу не взмолилась о пощаде. Я приняла эту ситуацию, будто так и должно быть. Будто он и должен быть моим первым. Что со мной такое?

Он погрузил в меня палец, а другим начал водить по сокровенной точке. Нежно. Медленно. Истомно. И при этом не отрывал взгляда, ловя каждую мою судорогу. Я запрокинула голову и выгнулась навстречу, когда волна удовольствия разлилась по низу живота. Вот. Сейчас скажи «нет». Скажи, и он остановится. Он отойдёт. Я почему-то это знала.

И вместо этого я издала громкий, сладкий стон. И сама подала ему бёдра.

Филипп хрипло рыкнул и начал водить большим пальцем сильнее, настойчивее, а тем, что был внутри, — нежно, почти бережно, будто щупая границы. А потом... остановился.

Я открыла глаза. Его взгляд был тяжёлым, полным какого-то немого изумления.

— Не знаю, чем заслужил такой подарок от судьбы, — прошептал он хрипло, — но ты всё-таки невинна. А принимать меня тебе лучше будет на постели. Ну-ка...

Он снова подхватил меня, но теперь прижал выше, так, что мои размягчённые, мокрые лепестки прильнули к его голому, твёрдому животу. От стыда и этого неприличного, интимного скольжения меня снова затрясло в сладкой судороге. Он прижимал меня к себе с такой силой, будто хотел вдавить в собственное тело, и понёс на второй этаж. Я закусила губу, потому что от каждого его шага я скользила по его коже, и это было невыносимо. Я пыталась не дышать, не стонать, но не получалось. А он шёл и тихо порывкивал, будто зверь, унюхавший добычу. Ему нравилось. Нравилось, что он со мной делает, и нравилось, как я на это реагирую.

— Какая трепетная девочка, Катя... Да мне достался бриллиант. Без оправы, правда. Ничего, мне так даже больше нравится, — прорычал он мне прямо в ухо, и его горячее дыхание обожгло кожу.

Мысли о том, что сейчас будет «момент икс», сбивались на задний план новыми волнами удовольствия. Но самое ужасное — я чувствовала, как подкатывает та самая, жгучая, необъяснимая, всепоглощающая волна. И когда он переступил порог спальни и направился к огромной кровати, я, потеряв всякий стыд, простонала ему прямо в ухо:

— Ещё... Пожалуйста...

И он, довольный моей реакцией, аккуратно положил меня на кровать. Я заёжилась, пытаюсь сомкнуть ноги — где-то в глубине ещё тлеет рассудок, а еще появилась дикая обида на него. Обида от того, что он подвёл меня к самому краю и... остановился.

От этого ощущения слёзы навернулись на глаза, губы задрожали, и я посмотрела на него самым печальным взглядом.

Это будто отрезвило Филиппа. Он так удивился, увидев мою реакцию.

— Ах ты ж, моя малышка, ну подожди, сейчас, — прошептал он с какой-то новой, странной нежностью и, бросив борьбу с поясом, опустился между моих ног. Аккуратно развёл их и притянул к себе.

Сначала он целовал мой живот, лаская его, и я выгибалась, уже зная, что будет, уже предвкушая. И снова мысль: «Скажи нет! Скажи!» Но я не хотела говорить «нет». Я хотела кричать «да». Только «да».

Его горячий, неистовый язык начал исследовать меня там. От каждого точного движения меня били судороги наслаждения. Я изгибалась, тело скручивалось из-за скованных рук, я пыталась вцепиться в простыню. Он резко перевернул меня, поняв, что так мне будет легче, поставил на колени, схватил за наручники и, подтянув под нужным углом, продолжил. Я уплывала в ощущениях, уже просто отдаваясь волнам. И вот она — снова, та самая испепеляющая волна, ближе и ближе... Я стонала, кричала, сама двигалась навстречу его лицу и языку, и ему это нравилось, он рычал, приговаривая, какая я вкусная, как ему повезло...

И тут он резко оторвался. Но не отпустил. Притянул меня к себе, держа за наручники, схватил за шею и прошептал на ухо, и в его шёпоте была сталь:

—А теперь скажи. Почему ты не чувствуешь связи? Почему не чувствуешь моего запаха?

—Я не могу...

—Говори! Я сказал! — рявкнул он так, что задрожали стены.

—У меня вшита специальная капсула! Она всё блокирует! — выкрикнула я в истерике, а после горько разрыдалась, опустив голову. Чёртов хитрец! Он всё подстроил: накалил, довёл до иступления, чтобы оголить все мои эмоции и выбить правду.

—Сволочь! Ненавижу! — всхлипывала я, трясясь.

А он... он всего лишь аккуратно посадил меня к себе на колени, прямо там, на мягкой постели, и начал меня убаюкивать, пока истерика не улеглась. Он ничего не сказал в ответ на моё признание. Просто покачивал, гладил по спине, позволив мне выплакаться в его плечо, на его голую грудь. Когда рыдания сменились тихими всхлипами, он бережно поставил меня на ноги и, приподняв мой подбородок, сказал:

—Пойдём вниз. На кухню. Я приготовлю нам ужин. Мы ведь не ели.

После этих слов он достал из кармана ключ от наручников и перестегнул их со спины на руки вперёд.

—Но мне надо в душ, — жалобно сказала я, чувствуя, как всё между ног и по внутренней стороне бёдер липко и мокро.

—Потом, — его голос не допускал возражений. — Я хочу чувствовать твой запах. Он мне слишком нравится.

И он просто взял меня за наручники и повёл за собой, как на поводке.

—Извращенец, — шёпотом кинула я ему в спину.

Его улыбки я не видела. Но он шёл и улыбался. Довольный. Очень довольный собой и тем, что узнал обо мне важную информацию.

Глава 3

Он не повёл, а именно притащил меня за наручники, будто добычу, через весь нижний этаж. Стыд пылал на моих щеках. Его запах, мой запах — всё смешалось в этом унижительном, животном шлейфе, который он приказал не смывать.

Кухня была огромной, тёмной, с деревянными столами и начищенной посудой, пахнущей специями и дымом. И вместо того чтобы усадить на стул, он поднял меня и разместил прямо на широкую кухонную столешницу. Твёрдая поверхность охладила мою оголённую кожу под подолом рубашки.

— Сиди. Не двигайся, — бросил он, и его взгляд упал ниже пояса. — И ноги не смыкай. Хочу видеть.

Стыд ударил в голову горячей волной. Но что-то предательское, глубокое внутри, ёкнуло от этого приказа. Я закусила губу, но... раздвинула колени. Чуть-чуть. Словно сама себе доказывая, что это вынужденная покорность, а не послушание.

Он повернулся к массивной плите, достав из холодильника куски явно уже маринованного мяса, зелень, помидоры. Движения его были резкими, точными, полными мужской силы. Он не готовил — он совершал ритуал. Он делал все так быстро, и это спиной ко мне, но будто нарочно так, чтобы я видела игру мышц под кожей, каждый вздох, каждое движение его торса.

Пахло чесноком, кинзой, аджикой. Пахло южными странами, в которых я никогда не была. Это был запах его мира — такого же дикого, пряного и неуправляемого, как он сам.

И тут он обернулся. Не к плите, а прямо ко мне. Его взгляд, тяжёлый и пронзительный, впился в меня. Он смотрел не в глаза, а сквозь них. Будто проверяя, не сомкнула ли я ноги, не пытаюсь ли спрятать ту мокрую, смущающую правду между моих бёдер. Под этим взглядом я замерла, чувствуя, как стыд превращается в жар, а жар — в пульсирующее, постыдное желание. Я не сомкнула ноги. Наоборот, они раздвинулись ещё чуть шире, сами, предательски.

Он усмехнулся одним уголком губ и вернулся к готовке.

Сковорода зашипела, забрызгав маслом, когда он бросил туда мясо. Через пару минут аромат стал невыносимо вкусным. Но жажда, сухость во рту от слёз и криков, были сильнее.

Я попыталась сглотнуть, и он, будто уловив этот звук, снова обернулся. Молча подошёл, взял тяжёлый кувшин, налил воду в такой же стакан и поднёс ко мне.

Я потянулась к нему скованными руками, но он отстранил стакан.

— Руки не для этого, — сказал он тихо, и в его глазах вспыхнула тёмная, опасная игра. Он поднёс прозрачный стакан к моим губам сам. — Пей.

Унижение. Абсолютное. Но жажда была сильнее гордости. Я наклонилась, прильнула губами к прохладному краю и пила, жадно, с закрытыми глазами, чувствуя, как вода стекает

по подбородку. Он держал стакан, и его пальцы почти касались моего лица. Когда я попила, он не убрал руку, а провёл большим пальцем по моей мокрой нижней губе, смахнув каплю.

— Аппетитная, — произнёс он хрипло, и было непонятно, про что он говорил? Про воду, про меня или про то блюдо, что шипело у него за спиной?

Он вернулся к плите, быстро перемешал содержимое сковороды, бросил туда рубленую зелень. Через минуту он снял её с огня и, не перекладывая в тарелку, подошёл ко мне, держа в руках ту самую сковороду, от которой валил пар.

Он встал прямо передо мной, между моих раздвинутых колен, загородив собой весь мир. Запах готовой еды смешался с его запахом и моим. Он взял ложку, зачерпнул кусок нежного мяса в томатном соусе, подул на него.

— Открой рот, — приказал он, и в его тоне не было просьбы.

И я открыла. Позорно, покорно, чувствуя, как поёживаюсь от его близости и от того, как его бёдра касаются моих колен. Он положил ложку мне в рот. Вкус взорвался. Он был пряный, насыщенный, совершенный.

— Нравится? — спросил он, и в его глазах горело что-то помимо торжества. Что-то вроде... удовлетворения.

Я не смогла солгать. Кивнула, не в силах вымолвить ни слова, чувствуя, как соус пачкает мои губы, а его взгляд прилип к ним, тяжёлый и будоражащий.

В этот момент я поняла страшную вещь. Он кормил меня не как гостя. Он кормил свою добычу. Зверя, которого только что поймал. И в этой тёмной, пряной кухне, сидя на столе с раздвинутыми ногами, в его рубашке и наручниках, я чувствовала себя не пленницей, а... чем-то гораздо более древним и опасным. Чем-то, что начинает понимать правила его игры.

И что хуже всего — моё тело, мой предательский дух, уже начали эти правила принимать.

Он кормил меня с той же властной нежностью, с какой заставил раздвинуть ноги. Подносил ложку с томатным, дымным мясом к моим губам, и я покорно открывала рот, чувствуя, как соус пачкает уголки губ. Вкус был огненным, насыщенным, как и всё вокруг него. Но это была не забота — это был ещё один акт владения. Он смотрел, как я глотаю, и его взгляд был тяжёлым, оценивающим.

А потом начал дразниться. Подносил особенно аппетитный кусок, и когда я уже тянулась к нему, он забирал ложку себе. Отводил её к своим губам и медленно, на моих глазах, съедал, не отрывая от меня взгляда. Его челюсть работала, а в глазах танцевали искры самой чёрной, самой опасной игры.

— Вкусно? — спрашивал он, и я не знала, про еду ли. Мне хотелось выругаться, плюнуть, но тело предавало — низ живота сжимался не от злости, а от чего-то острого и постыдного. Я могла только кивать, чувствуя, как жар поднимается к щекам.

Когда сковорода опустела, он отставил её, и его взгляд стал другим — сосредоточенным, хищным. Он снова взял меня за наручники и без слов поволок из кухни, мимо тёмных коридоров, вверх в ванную.

Душ был огромным, везде была темная плитка, он включил воду. Пар сразу начал клубиться. Филипп не стал ничего говорить, не стал раздевать. Он просто завёл меня под потоки почти обжигающей воды и прижал к мокрой стене.

Потом его губы нашли мои. Это не был поцелуй. Это было нападение. Жестокое, требовательное, лишаящее дыхания. Я закричала в его рот, пыталась оттолкнуться скованными руками, вывернуться. Вода заливала лицо, смешиваясь с его слюной, с моим протестом. Я кусала его губы, но он только глубже входил в поцелуй, как будто моя злость была той самой приправой, которой ему не хватало.

И я боролась. Боже, как я боролась. Пока во рту не осталось вкуса грузинских специй, а остался только он — тёмный, солёный, безумный. Пока мое тело, измученное стыдом, страхом и тем диким наслаждением, что он мне подарил раньше, не начало сдавать. Мышцы, напряжённые в сопротивлении, вдруг дрогнули. Гневная скованность в спине растворилась под потоками воды и его неумолимым натиском.

Я перестала отталкиваться. Позволила ему прижать себя к стене всем весом. Позволила его языку захватить мой. И самое ужасное — мой собственный рот начал отвечать. Сначала нерешительно, потом — с той же отчаянной жадностью, с какой я пила воду. Мои губы разомкнулись в настоящем поцелуе, и я услышала, как он издал низкий, победный рык прямо мне в глотку.

Это была капитуляция. Моментальная, позорная, полная. Я сдалась. Не потому что он сломал силой, а потому что внутри что-то более глубокое, чем гордость, захотело этой близости. Захотело его.

Он почувствовал это мгновенно. Его поцелуй из жёсткого стал глубоким, почти что... благодарным. Одной рукой он продолжал держать мои запястья, а другой схватил меня за мокрые волосы, заведя руку за мою голову и откинув ее, чтобы получить ещё более полный доступ. Вода лилась на нас, смывая остатки ужина, слёз и борьбы. Оставляя только кожу, пар, и этот безумный, всепоглощающий поцелуй, в котором уже не было победителя и побеждённой. Было только два тела, наконец-то переставших лгать друг другу.

Вода лилась на нас водопадом, но мы уже не чувствовали её температуры. Его поцелуй был моим единственным миром — влажным, горячим, безвоздушным. Рубашка, его рубашка, прилипла к телу, став тяжёлым, мокрым мешающим элементом.

Он оторвался от моих губ, и его дыхание, прерывистое и хриплое, обожгло щеку. В его глазах плясало пламя, торжествующее, дикое, голодное. Он отступил на шаг, его взгляд скользнул по мокрой ткани, облепившей мою грудь. И тогда его руки, сильные и стремительные, впились в мою последнюю защиту перед ним.

Раздался резкий звук рвущейся ткани. Одна пуговица отлетела, ударившись о стену. Потом вторая, третья. Он не возился с рубашкой — он просто разорвал её, грубо, без церемоний, обнажая меня перед собой. Воздух душа ударил по коже, но тут же сменился жаром

его взгляда. Я не пыталась прикрыться. Руки в наручниках безвольно повисли между нами. Я смотрела, как он смотрит на меня, и внутри не было ни стыда, ни страха — только оглушительная, всепоглощающая пустота, готовая наполниться только им.

Его ладонь легла на мою грудь, шершавая и горячая, и я выгнулась навстречу этому прикосновению, как растение к солнцу. Его губы спустились на мою шею, на ключицу, на мокрый изгиб груди. Он целовал, кусал, прижимал меня к стене всем телом, и я тонула в этих ощущениях, теряя границы. Кто я? Где я? Было только это — каменная стена за спиной, вода на лице, его руки и губы на теле, и странное, парящее чувство, будто это сон. Страшный и прекрасный сон, из которого не хочется просыпаться.

Потом он отстранился, его руки рванули вниз, к поясу своих мокрых брюк. Металлическая пряжка звякнула. Он стянул их одним резким движением и снова прижался ко мне. Теперь между нами не было ничего. Его естество, твёрдое и горячее, упёрлось мне в лоно, и он начал тереться о меня медленными, намеренными, невыносимыми движениями. От этого трения, от этой интимной, животной близости во мне всё закричало. Я застонала — долго, сдавленно, не в силах сдержать этот звук. Не сопротивлялась. Наоборот, мои бёдра сами понеслись навстречу этому движению, этому обещанию. Мне это было нужно. Отчаянно, до боли, до безумия.

Он чувствовал это. Его дыхание стало ещё чаще. Одной сильной рукой он обхватил меня под бедро и легко, почти без усилий, приподнял, прижав спиной к стене. Я обвила его ногами за спину, инстинктивно, как лиана. Его взгляд, тёмный и бездонный, нашёл мои глаза. И там, где я ждала приказа, требования, победной ухмылки — я увидела что-то другое. Напряжение, агонию ожидания и мольбу.

Он прижал свой лоб к моему, и его голос, хриплый и разбитый, прошептал прямо в губы, перекрывая шум воды:

—Катя... Позволяешь? Позволяешь мне сделать тебя своей? Своей самкой? Навсегда?

Этот шёпот обжёг сильнее любого поцелуя. В нём была не жесткость, а просьба. Просьба альфы к своей избраннице. И в этот миг вся моя оборона, все страхи, вся ложь рухнули окончательно. В этой влажном каменном заточении, будучи нагой и скованной, я нашла единственную правду, которую искала, сама того не зная.

Глава 4

Я приоткрыла рот, и слово родилось не в голове, а где-то в глубине души, в самом сердце, там, где уже билось в унисон с его ритмом.

— Да... — выдохнула я, и это было похоже на клятву. — Да.

Он зажмурился, и по его лицу пробежала судорога облегчения, триумфа и чего-то невероятно нежного. Он не стал медлить. Одним плавным, но неумолимым движением он вошёл в меня, заполняя пустоту, разрывая последние преграды, соединяя нас в одно целое.

Боль была острой, но быстротечной, растворяясь в волне чего-то большего — не просто физического соединения, а слияния. Я вскрикнула, вцепившись в его плечи, и он замер, давая мне привыкнуть, его тело дрожало от напряжения сдержанной силы.

Когда я снова открыла глаза, мир перестал быть сном. Он стал жёсткой, невероятно яркой реальностью. Его реальностью. Нашей. И в ней я больше не была Катей Перевязцевой, практиканткой с секретом. Я была его. Его самкой. И это было единственное, что имело значение.

Он начал двигаться медленно, с почти невыносимой нежностью. Каждое его движение было глубоким, размеренным, будто он изучал каждую складочку, каждую частичку моего существа изнутри. И со мной творилось что-то странное. Физически — это было блаженство. Тепло разливалось от самого центра, сплетаясь с покалыванием в коже там, где он касался. Мне нравилось. Но будто толстое стекло лежало между моим телом и душой. Я чувствовала удовольствие, но не чувствовала его. Не чувствовала той яростной, животной связи, о которой он говорил. Только красивую, мучительную пустоту в самой сердцевине наслаждения. Слеза скатилась по щеке, смешавшись со струйками душа.

Он почувствовал это мгновенно. Его движения не остановились, но во взгляде, прикованном к моему лицу, промелькнула тень понимания, а потом — решимости. Железной и неумолимой.

— Нет, — прохрипел он, и в его голосе было нечто первобытное. — Ты будешь чувствовать все.

Его медлительность исчезла. Он набрал темп, сильнее, глубже, яростнее. Я вскрикнула, но не от боли, а от нахлынувшей лавины ощущений, которая начала сметать то самое стекло. Он прижал меня к стене ещё крепче, его губы прильнули к месту, где шея переходит в плечо. Я чувствовала жар его дыхания, остроту зубов...

И тогда он вонзился.

Боль от укуса была острой и чистой. Но в тот же миг, словно от удара молота по хрусталу, внутри меня что-то треснуло и рассыпалось. Невидимая плотина рухнула. И хлынуло.

Запах. Не просто его запах — а целая вселенная. Тёмный дуб и дым, дикий мёд и сталь, кровь и безопасность, сила и... тоска. Глубокая, вековая тоска, которая сейчас растворялась в триумфе. Его эмоции ворвались в меня водопадом — яростное обладание, безумная нежность,

щемящая нежность, животная радость. И сквозь них — мои собственные чувства, наконец вырвавшиеся на свободу: страх, который превратился в доверие, ярость, что переплавилась в страсть, и глухое, давнее ожидание этого самого момента.

Он оторвался от моего плеча и выплюнул вместе с кровью что-то маленькое и блестящее на каменный пол. Обломок капсулы. Она была зашита прямо там, под кожей, на месте метки. Его метки.

Наши взгляды встретились. В его глазах не было больше вопроса. Была абсолютная, дикая уверенность. И в моих — больше не было стены.

Тогда началось не соитие, а танец. Дикий, неистовый, как танго на краю пропасти. Он вёл, а я не просто следовала — я шла навстречу, я оспаривала его шаг, я бросала ему вызов движением бёдер, глухой стон, впившимися в его спину ногтями. Мы были двумя стихиями, слившимися в одну бурю. Камень, вода, пар, стук наших тел — всё смешалось в едином ритме.

Я уже не думала, не анализировала. Я чувствовала. Каждую его эмоцию, как свою. Каждое его напряжение, каждый вздох. Мы взлетали вместе, к одной точке, сияющей и неотвратимой. Я кричала его имя, он рычал моё, и наши голоса сплелись в одно.

И когда волна накрыла нас, она пришла не к одному, а к обоим одновременно. Яркая, ослепительная, разрывающая. От её силы моё тело выгнулось, нога, не помня себя, дёрнулась и с грохотом разбила стеклянную дверцу душевой кабины. Звон бьющегося стекла смешался с нашими последними, хриплыми криками.

Мы замерли, дрожащие, сплетённые, дыша в унисон. Стекло крошилось под ногами, вода лилась на пол, а в воздухе висел только один запах. Наш общий запах. Запах двух половин, которые, наконец, нашли друг друга, сломав все преграды на своём пути. И в его взгляде, полном теперь безграничного, потрясённого обладания, я прочла то же, что чувствовала сама: это было только начало.

Он вынес меня из разрушенного душа на руках, как трофей, как что-то бесценное и хрупкое. Я не сопротивлялась, прильнув к его горячей, мокрой груди, слушая, как бьётся его сердце — ровно и мощно, будто большой барабан. Всё во мне гудело от отзвуков того дикого единения, и мир казался мягким, размытым, наполненным его запахом, который теперь был и моим запахом тоже.

В спальне он положил меня на прохладные простыни и взял большое, грубое полотенце. Начал вытирать меня с неожиданной, почти ритуальной бережностью. Каждую каплю с плеч, с груди, с живота. Его движения были медленными, полными некоего нового, тихого сосредоточения. Я закрыла глаза, позволяя этой заботе окутать себя, почти забыв, что именно этот человек держал меня в наручниках и шантажировал всего несколько часов назад.

Потом он отошёл к тумбочке у кровати. Я приоткрыла глаза, наблюдая, как он открывает ящик и достаёт оттуда маленький, ничем не примечательный тюбик. Вернулся ко мне, и в его взгляде снова появилась та властная, хищная тень, от которой по телу пробежали мурашки — теперь уже не только от страха.

— Раздвинь ноги, — сказал он тихо, но так, что в голосе не осталось места для вопроса.

Я замерла, но подчинилась. Это было уже не то вынужденное, стыдливое движение с кухни. Теперь в нём была усталая покорность, смешанная с остатками недавнего блаженства. Он сел на край кровати, его пальцы твёрдые и уверенные раздвинули меня ещё шире, обнажив самую уязвимую, нежную и всё ещё пульсирующую часть меня.

Я смотрела на него обалдевшим взглядом, не в силах понять, что происходит. Он выдавил на палец прозрачную, почти невидимую мазь и, не сводя с меня глаз, помазал меня там — внутри, аккуратно, но без лишней нежности. Прохладное прикосновение геля контрастировало с внутренним жаром.

— Заживёт в течение получаса, — отрывисто объяснил он, вытирая палец о полотенце.
- У нас все заживает быстро.

«У нас». От этих слов что-то ёкнуло внутри, сладкое и болезненное одновременно. И в этой слабости, в этом странном моменте почти-заботы, я нашла в себе остатки смелости. Я потянула вперёд руки, всё ещё скованные холодным металлом. Голос мой звучал хрипло, но не дрожал:

— Сними их, пожалуйста. Ты же... ты же уже...

Я не договорила. Ты же уже взял всё, что хотел. Ты же поставил свою метку.

Он поднял на меня глаза. И в них не было ни той нежности из душа, ни той мольбы. Была только непробиваемая, ледяная ясность альфы, оценивающей своё пока ещё непокорное приобретение.

— Нет, — сказал он просто, и это слово упало между нами, как нож. — Ты пока не приручена. Не заслужила.

Он произнёс это спокойно, как констатацию факта. И в этот миг всё тёплое, размытое и нежное внутри меня разбилось вдребезги, как стекло душевой кабины.

Шок ударил в виски, а за ним пришла острая, унижительная обида. Всё вернулось на свои места с жестокой скоростью. Его метка на плече горела, но наручники на запястьях жгли сильнее. Он вытер меня, помазал ранку, но я для него всё ещё была пленницей, дикаркой, которую нужно сломать.

Помощница на месяц. Всего лишь помощница. Практикантка, которую прислали, чтобы приручили.

Я отвернулась к стене, сжимая скованные руки в кулаки, чтобы он не увидел, как они дрожат. Запах его, наш общий запах, теперь казался горьким и удушающим. Он взял моё тело, и, кажется, даже кусочек души. Но моя свобода, моё достоинство — это было то, что нужно было заслужить. И я не знала, смогу ли, и главное — захочу ли теперь этого вообще.

Тишина в комнате стала тяжёлой и густой. А он просто сидел на краю кровати, наблюдая за моей спиной, за напряжёнными плечами. Урок был усвоен, а границы обозначены. Игра на приручение продолжалась. И в ней, как я теперь понимала, не было места иллюзиям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.